

ПУЛЬСАЦИЯ ТАЛАНТОВ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М. Д. ГОЛУБОВСКИЙ

Н. М. Карамзин

И. А. Крылов

В. Г. Белинский

Козьма Прутков глубокомысленно изрек, что «время подобно искусному правителю, непрестанно производящему новые таланты взамен исчезнувших». Давайте проверим это утверждение и рассмотрим последовательность появления на свет русских поэтических гениев, родившихся в последней трети XVIII — конце XIX веков — период в 125 лет. Прежде всего хочу заметить, что все, о чем вы прочитаете в дальнейшем, дискуссионно и не претендует на абсолют. Как известно, к концу XVIII века во многом в результате деятельности Н. М. Карамзина (1766–1826) сложилась русская литература и ее читатели. Белинский писал: «Карамзин первый на Руси заменил мертвый язык книги живым языком общества. До Карамзина у нас на Руси думали, что книги пишутся и читаются для одних «ученых» и что неученому почти так же не престоало брать в руки книгу, как профессору танцевать. Оттого содержание книг, по тогдашнему мнению, должно быть как можно более важным и дельным, то есть как можно более тяжелым и скучным, сухим и мертвым... Карамзин умел заохотить русскую публику к чтению русских книг».

Иными словами, Карамзин создал среду, благоприятную для проявления наследственных (врожденных) литературных способностей. И таланты не замедлили появиться на сцене. Но нас будут интересовать не просто таланты, а «поэтические гении», если угодно, звезды первой величины. Белинский, будучи гениальным критиком, не только умел отделить в области литературы зерно от плевел, но тонко чувствовал ту грань, когда появляется настоящий талант и его высшая грань — гений. Конечно же, он исходил из того, что «гений и талант дается природой, что тот и другой есть, так сказать, свойство самого организма человека, как свет и теплота есть свойство огня». На творениях поэтического гения всегда виден резкий отпечаток личности, они оригинальны, самобытны, под них невозможно подделаться. «К числу таких гениальных поэтов принадлежит в нашей литературе баснописец Крылов», — делал вывод Белинский, и время подтвердило правильность вывода.

Иван Андреевич Крылов родился в 1769 г. С этого года начнем изучать, с какой частотой «природа-мать» посылала миру литературных гениев. Не будем по-дилетантски решать, кто входит в паноптикум гениев, а воспользуемся так называемой экспертной оценкой. Такую оценку вынуждены были делать поэты, писатели, критики — составители двухтомника «Библиотека всемирной литературы». По образному выражению поэта Евгения Винокурова, одного из составителей тома русской поэзии XIX века, поэзия (да и любой вид творчества, добавим мы) подобна горному ландшафту, который включает в себя и высочайшие пики, и горные хреб-

ты, и небольшие горы, и холмы: «Русская поэзия XIX века богата первоклассными талантами — Жуковский, Батюшков, Крылов, Баратынский, Тютчев, Фет, А. К. Толстой... Каждый из них в отдельности образует большой, самостоятельный и органичный мир. Их поэтические индивидуальности настолько велики, что каждый из них не меркнет на фоне Пушкина, Лермонтова, Некрасова. А за ними — иные горные хребты — Бунин, Блок, Маяковский, Есенин, Пастернак, Заболоцкий, Твардовский».

В издательстве «Прогресс» в 1979 г. вышло в свет замечательное издание «Поэзия Европы» в трех томах. Здесь собраны шедевры европейской поэзии, напечатанные на языке оригинала и в переводе на русский язык, а также шедевры русской поэзии XIX — начала XX веков в переводе на три европейских языка. Кто же из русскоязычных поэтов отобран экспертами? Это Пушкин, Баратынский, Тютчев, Лермонтов, Фет, Некрасов, Бунин, Блок, Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Маяковский. Совпадение двух экспертных оценок очевидно.

В «Библиотеку всемирной литературы» включены творения следующих классиков русской литературы: Герцена, Грибоедова, Гоголя, Гончарова, Островского, Достоевского, Лескова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Тургенева, Чехова. Конечно, каждый из нас и без всяких экспертов назовет эти имена.

Итак, распределим гениев русской литературы по годам рождения, начиная с И. С. Крылова, с 1769 и до 1894 г., охватывая период в 125 лет. Весь период разобьем на семилетия, так, чтобы получилось достаточно большое число временных интервалов: 1769–1775 гг., 1776–1782 гг., 1783–1789 гг. и так далее до 1888–1894 гг.; получили 18 интервалов. Конечно, может возникнуть вопрос, почему интервал выбран в 7 лет, а не в 5 или 10. Во-первых, это не принципиально. А во-вторых, интервал в 7 лет, согласно некоторым наблюдениям, делит жизнь человеческую на некоторые вехи. Когда Лев Толстой стал составлять свою биографию для друга и последователя Бирюкова, он разделил свою жизнь на семилетия, ссылаясь на то, что «соответственно семилетиям телесной жизни человека, признаваемым даже и некоторыми физиологами, можно установить и семилетия в развитии жизни духовной». Поверим здесь Л. Н. Толстому, ибо немногие могли так глубоко проникнуть в психологию и духовный мир человека, как он. Соответственно семилетиям, он называл и свои книги: «Детство» (до 7 лет), «Отрочество» (до 14 лет), «Юность» (до 20 лет). Можно полагать, что каждое семилетие включает определенный чувствительный период, от воздействия на который зависит физическое и психологическое становление и состояние человека.

Составим таблицу, в которой 30 гениев русской литературы распределим по интервалам в соответствии с годом их рождения. Талант выдающихся критиков и публицистов — Белинского, Писарева, Добролюбова, Чернышевского и К. Чуковского — совершенно особый, хотя и сродни писательскому, поэтому они не входят в нашу таблицу.

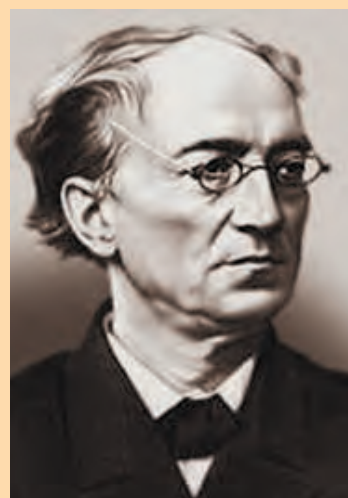
При первом же взгляде на таблицу видна зияющая дыра, лакуна. До начала тридцатых годов «природа-мать» регулярно дарила русской земле выдающихся поэтов и писателей. Но на протяжении четверти века, с 1831 г. (год рождения Лескова) до 1860 г.

А. С. Пушкин

Е. А. Баратынский

Ф. И. Тютчев

М. Ю. Лермонтов

Н. А. Некрасов

А. А. Фет

(год рождения Чехова) не родилось ни одного выдающегося писателя. А с поэтами еще хуже. На протяжении полувека с 1817 г. (когда родились Толстой, Фет, Некрасов) по 1870–1880 гг. (когда родились Бунин и Блок) русская земля не посылала миру поэтических гениев.

В чем дело? Откуда взялась эта «черная дыра»? неужели это причудливая игра случайностей, свойственная, например, распределению Пуассона, когда бывает разом густо, разом пусто.

ПРИЧИНЫ «ЧЕРНОЙ ДЫРЫ»

Исследуем три возможные причины, приведшие к «черной дыре»:

1. случайность;
2. какая-то утечка генов или изменение темпов мутационного процесса;
3. ситуация капитана Стормфилда — блокада проявления поэтических генов в силу каких-то неблагоприятных условий среды.

Первое предположение о том, что лакуна в 25 лет для писателей и в полвека для поэтов есть просто случайность, ввиду малой выборки, не проходит. Во-первых, в силу случайных причин может появиться «звездное скопление» в одном интервале и лакуна в другом. Например, если мы сравним периоды 17 и 18 (см. табл.),

№	Семилетний период	Выдающиеся поэты и писатели, родившиеся в это время
1	1769–1775	И. Крылов
2	1776–1782	—
3	1783–1789	В. Жуковский, К. Батюшков
4	1790–1796	А. Грибоедов
5	1797–1803	А. Пушкин, Е. Баратынский, Ф. Тютчев
6	1804–1810	Н. Гоголь
7	1811–1817	М. Лермонтов, А. Герцен, А. Гончаров, А. К. Толстой
8	1818–1824	И. Тургенев, А. Фет, Н. Некрасов, Ф. Достоевский, А. Островский
9	1825–1831	Л. Толстой, М. Салтыков-Щедрин, Н. Лесков
10	1832–1838	—
11	1839–1845	—
12	1846–1852	—
13	1853–1859	—
14	1860–1866	А. Чехов
15	1867–1873	И. Бунин, М. Горький
16	1874–1880	А. Блок
17	1881–1887	—
18	1888–1894	В. Маяковский, Б. Пастернак, А. Ахматова, М. Цветаева, М. Булгаков, О. Мандельштам

то появление подряд четырех «пустых» периодов 10, 11, 12, 13 (1832–1859 гг.) представляется маловероятным. Кстати, можно провести нечто вроде контрольного опыта. Если посмотреть, что происходит за те же 125 лет в английской и французской словесностях, составив соответствующие таблицы, можно убедиться, что здесь нива плодоносила более или менее регулярно, случайностей в виде четвертьвекового неурожая не было.

Вторая причина. Отбрасываем случайность и исследуем второе предположение о какой-то утечке «поэтических генов» или изменении темпов мутирования. Давайте рассмотрим, как распределены по годам рождения не только выдающиеся пики, а так сказать все компоненты литературного ландшафта — и горы, и холмы. Для этого опять прибегнем к экспертной оценке, взяв за основу библиографический словарь «Русские писатели» (М., Просвещение, 1971). Редакция в предисловии сообщает, что в словарь включены сведения как о выдающихся русских писателях-классиках, так и о писателях менее значительных, творчество которых сыграло, однако, известную роль в истории русской литературы на разных ее этапах. Назовем когортой I первую группу русских писателей («выдающихся») и когортой II — всех остальных, включенных в словарь. Теперь возьмем промежуток в 100 лет, с 1769 по 1866 гг., и посмотрим, как распределены по годам рождения когорты I и когорты II. Оказывается, что если в когорте I более четверти века, с 1832 по 1859 гг. пусто, то в когорте II в это же время уменьшения по сравнению с предыдущими и последующими периодами незаметно. Таким образом, гены, определяющие способность к словотворчеству, не исчезли. И в «ландшафте» русской литературы мы находим и холмы, и горы, и горные хребты, появившиеся за четыре десятилетия в период с 1832 по 1859 гг. Но все же выдающиеся пики исчезли — они были либо раньше, либо позже этого периода. Словно какие-то преграды мешали созреть поэтическим гениям, которые, конечно же, появлялись в потенци, но не достигали почему-то высот.

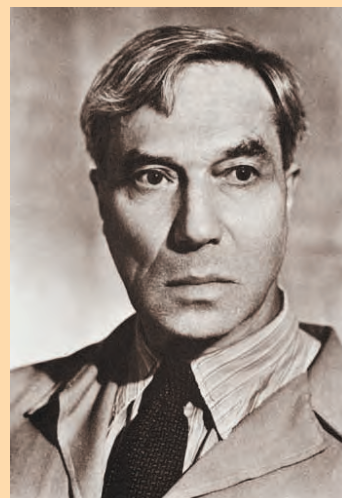
К этому выводу мы приходим, изучив даты рождения музыкальных гениев России. Как раз на середину загадочной «черной дыры» (1839–1845) приходятся годы рождения трех титанов русской музыкальной культуры — Мусоргского, Чайковского и Римского-Корсакова.

И тут самое время вновь вспомнить путешествие капитана Стормфилда и поискать те внешние преграды, которые мешали бы проявлению и выражению потенциальных поэтических гениев. Поиск сложный, но поучительный.

Разберем две возможные ограничительные причины. Первая — это ослепительный свет, испускаемый гениями, и их взаимное отталкивание. Поколение, родившееся в 30–50-е гг., вступало в жизнь в середине 50–70-х гг. А это был период расцвета творчества той плеяды гениев, которые родились в 10–20-е гг. XIX века. В прозе это Тургенев, Достоевский, Толстой, в поэзии — Ф. Тютчев, А. К. Толстой, А. Фет, Н. Некрасов. Нужно было иметь дерзновенную веру в свои силы, чтобы преодолеть свет, испускаемый моцартами литературы. Ведь даже зрелый мастер, зрелый талант при вспышке гения меркнет, и у него пропадает желание творить (тема терзаний Сальери). Гений под-

И. А. Бунин

Б. Л. Пастернак

А. А. Ахматова

В. В. Маяковский

О. Э. Мандельштам

А. А. Блок

М. И. Цветаева

ымает искусство настолько, что после него, кажется, настанет пустота:

Что пользы, если Моцарт
будет жив
И новой высоты еще
достигнет?
Подымет ли он тем
искусство? Нет!
Оно падет опять, как он исчезнет.

(А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери)

Если в первые три десятилетия XIX века, по словам Белинского, новая поэма в стихах, отрывок из поэмы, новое стихотворение, появившееся в журнале или альманахе — все это пользовалось привилегией производить шум, толки, восторги, споры и прочее, то после выхода сочинений Пушкина, Лермонтова «доступ к поэтической славе сделался очень труден, так, что талант, который прежде мог бы играть блестящую роль, теперь должен ограничиться более скромным положением». Чтобы привести в движение литературу, нужен был новый Пушкин, новый Лермонтов. Но ведь появились же вслед за Пушкиным и Лермонтовым новые гении: Ф. Тютчев, А. К. Толстой, А. Фет, Н. Некрасов, расцвет которых пришелся на 30–40 гг. А почему вдруг этот процесс остановился?

«Приближались роковые – сороковые годы», — сказал А. Блок в 1921 г. в речи памяти Пушкина. В эти «сороковые годы» психологический климат в отношении к поэтическому искусству резко изменился. Уже в середине 40-х гг. Белинский отмечал, «стихи играют второстепенную в сравнении с прозой роль. Их читают будто нехотя, едва замечают, похваливают хорошее и ничего не говорят о посредственном». Конец 40-х гг. — расцвет «натуральной школы» литературы критического реализма. После «Мертвых душ» Гоголя почти синхронно выходят и пользуются большим успехом «Бедные люди» Достоевского, «Кто виноват?» Герцена, «Обыкновенная история» Гончарова, «Записки охотника» Тургенева. Кипят споры славянофилов и западников.

Герцен в «Былое и думы» вспоминает: «Вообще Москва входила тогда в ту пору возбужденности умственных интересов, когда литературные споры за неимением политических становятся вопросами жизни. Появление замечательной книги составило событие: критики и антикритики читались и комментировались с тем вниманием, с которым, бывало, в Англии или во Франции следили за парламентскими прениями. Подавленность всех других сфер человеческой деятельности бросала образованную часть общества в книжный мир, и в нем одном действительно совершался глухо и полусловами протест против николаевского гнета, тот протест, который мы услышали открытее и громче на другой день после его смерти».

Таким образом, по свидетельству Герцена, литературные события стали вопросами жизни, все, что выходило, читалось и комментировалось. В нашем контексте это означает, что среда для выявления литературных талантов, в особенности талантов, затрагивающих гражданские темы, была как нельзя более благоприятной. Отсюда расцвет натуральной школы в прозе и гражданской лирики Некрасова.

После французской революции 1848 г. в России наступило «мрачное семилетие», закрылись журналы, ожесточилась цензура, начались репрессии, отправлен на каторгу Достоевский, сослан Салтыков-Щедрин. Но вот со смертью Николая I начался новый общественный подъем, и вновь самые актуальные вопросы политической жизни разрешались в сфере литературы. 1856–1857 гг. названы как «необыкновенное в русской литературе и общественной жизни двухлетие». Один за другим печатаются «Рудин» Тургенева, «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина, «Доходное место» Островского. В 1856 г. выходит книга стихов Некрасова, которая, по словам Огарева, «обожгла душу русскому человеку». Книга имела такой грандиозный успех, что «все издание было раскуплено в несколько дней, и, так как спрос на книгу продолжал возрастать, вскоре появились ее рукописные копии, продававшиеся в удешевленную цену. В тот сборник, проскочивший через цензуру, Некрасов (перед отъездом в Рим) успел включить в качестве предисловия программное стихотворение «Поэт и гражданин», в котором передан пульс времени и существо споров о назначении поэтов и поэзии. Гражданин страстно обращается к лежащему в раздумьях поэту: «Пора вставать! Ты знаешь сам, какое время наступило... проснись, громи пороки смело!» Поэт лениво протягивает Гражданину строки Пушкина:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Если у самого Некрасова гражданские мотивы прекрасно сочетались с любовной лирикой и с описанием природы, то прямолинейные последователи Гражданина уложили поэзию на малогабаритное прокрустово ложе. Разгоряченные молодые Базаровы, заполонившие литературные журналы 60–70 гг., требовали от искусств прежде всего непосредственной общественной прозы («Рафаэль гроша ломаного не стоит»).

Молодежь искала в литературе ответы на самые животрепещущие вопросы бытия. Время диктовало свои условия. Россия, покрывшая себя неувядающей славой в войне 1812 г., ушла в прошлое. Молодые входили в жизнь в нищей, полуграмотной стране, только-только освободившейся от рабства. «Что делать?» — вот вопрос, который волновал разночинцев, пришедших в университеты, вступивших на ниву просвещения. Поколению Базаровых казались ненужными стихи Тютчева и Фета, уводящие читателя от решения «проклятых» вопросов его времени.

Нельзя, однако, забывать, что если поколение, ворвавшееся на арену общественной жизни, с его отрицанием культуры «отцов», с его дерзким отрицанием сложившегося уклада «темного царства», наконец, с его стремлением к разуму, занятиям наукой и общественно полезным трудом создало атмосферу «болезни роста» в отношении поэзии, то в то же самое время оно увлекло многих молодых людей наукой. Внемя призыву Писарева, молодой Павлов уходит из духовной семинарии в Петербургский университет. Вот годы рождений корифеев русской науки: Менделеева, Тимирязева, Мечникова, Павлова: 1834, 1843, 1845, 1849. Все они приходятся на лакуну для служителей муз.

Таким образом, пульсации общественной жизни, духа времени приводят к пульсации в становлении и проявлении талантов, но не в их «нарождении», то есть гены не исчезают.

Автор ни в коей мере не претендует на какое-либо исчерпывающее решение загадки пульсации талантливости. Несомненно лишь, что эта загадка есть, и резкий конфликт «отцов и детей», возникший на рубеже 60-х гг. и продолжавшийся около двух десятилетий, неблагоприятно сказался на становлении писательских талантов. Среди множества условий среды, стимулирующих творческий взлет поэтического гения (в широком смысле слова), одно из самых важных — понимание и поддержка со стороны «гениального читателя, сопереживание, сочувствие. Остроумно замечено, что так же, как тело наше нуждается в витаминах, наш дух — в одобрении, поддержке. Без них творческий порыв слабеет и гаснет.

Кем стали и в какие области творчества или сферы жизни ушли потенциальные гении, родившиеся в 30–40-е гг.? Этого мы не узнаем. Автор лишь сделал попытку взглянуть на интереснейшую, поставленную В. И. Вернадским проблему взглядом генетика. Далее должны сказать свое слово историки и социологи, искусствоведы и психологи.

ГОЛУБОВСКИЙ

Михаил Давидович —
доктор биологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники РАН